„Из сих трех родов, — пишет он, — первый употребляется для изложения дела, второй для возбуждения страстей, третий под тем или другим именем, для снискания благосклонности в слушателях, или для утишения сильных чувствований. Для изложения же потребна острота и точность, для снискания благосклонности и примирения кротость, для возбуждения страстей сила.

„Итак слог тонкий имеет особенное свое действие в повествовании и приводе доказательств; так что не зависимо от других, он сам собою бывает для сего достаточен. Средний род, будучи наполнен более метафорами, украшен фигурами, пленяет удачными отступлениями, благоприличием выражений и изяществом мыслей: он течет тихо, подобно прозрачным водам реки, коей берега с обеих сторон осеняются зеленеющимися лесами. Слог же сильный увлекает слушателей против их воли; тщетно сопротивление; быстрые порывы принуждают следовать невольным впечатлениям; он, как стремительный поток, уносящий с собою самые камни, расторгающий мосты и всякие преграды, обращает умы туда, куда сила его устремляется".[1]

Определение родов красноречия в русской Риторике ближе всего находится ко второму делению Квинтилиана, но, однако, значительно отличается от него. Наш составитель перечисляет три рода речи: смиренный, высокий и мерный. К числу этих родов он относит речь, которою пользуются люди в повседневности. „Род смиренный есть, — пишет он, — который не восстает над обычаем повседневного глаголания".

Такого определения у Квинтилиана мы нигде не встретим, так как он всюду говорит лишь об искусственной, украшенной речи, фактически отстоящей весьма далеко от повседневного разговорного языка.

Метафорическая речь в русской Риторике отнесена к высокому роду. „Род высокий есть, — говорится в ней, — который хотя большею частию содержится свойственным гласом, и потом паки еще части имеет метафоры и от дальных вещей приятых, достаточну размножает. И придав всяких видов, что от разума своего объявляет и показует украшение глагола".

К мерному роду наш составитель относит наиболее распространенную письменную речь: особенно письма, грамоты и политические речи. „Род мерный который хотя есть последний, — пишет он, — имеет участок видов, но во умножении (т. е. в большинстве случаев) ни что же составляется пропинаючи род. А таков есть Овидиуш и письма грамоты и глаголы Кикероновы".

Практическое применение каждого из перечисленных родов он советует делать в зависимости от природных склонностей каждого оратора. „Чего ради подобает смотрити и брещи различия родов глаголания? — спрашивает он и тут же отвечает: — Сего ради подобает, чтобы есмя

[1] Там же, стр. 499—500.